

Б.М. Фирсов,
доктор философских наук,
Европейский университет
(Санкт-Петербург)

Историческая динамика развития советской и постсоветской культуры¹

"Мы наш, мы новый мир построим..."

Пытаясь представить путь развития советской и постсоветской культуры, начнем с октября 1917 г., когда народ пошел за большевиками, хотя последние отчетливо понимали, что приготовленные ими государственные (искусственные) формы жизни потребуют "воспитания масс". В период левых культурных экспериментов ранее существовавшие виды жизнедеятельности рекомендовалось предать забвению. Западная цивилизация, если и не отрицалась, то находилась под подозрением. В любом случае возможность следования ее вызовам исключалась. Раннебольшевистские ценности заметно доминировали до конца 20-х годов, не имея официально разрешенной альтернативы. Назовем это время периодом квазимонолитической тоталитарной культуры.

Избежим опасности упрощенной трактовки этого периода. Пресс государственной идеологии оказался достаточно мощным, чтобы осуществить депривацию прирожденных талантов. Однако и самые сильные не избежали некоей общей опасности и подпали под ту замороженность концом старого мира и началом нового, которую теперь стало так легко осуждать; они восприняли революцию как путь к свободе, веря в то, что новая жизнь примет их².

¹ В нашей работе мы пользовались определением культуры, предложенным Н.Смелзером. Культура "символизирует убеждения, ценности и выразительные средства (применяемые в искусстве и литературе), которые являются общими для какой-то группы; они служат для упорядочения и регулирования поведения членов этой группы". (Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 41.)

² Личность и власть в истории России XIX—XX вв. Материалы научной конференции. СПб., 1997. С. 20.

После революции начался период накопления советских черт. Возникают новые формы поведения, общественный этикет, новые ритуалы. Подчеркнем и масштабы приспособления (адаптации) к советской действительности. Этот процесс был всеобъемлющим настолько, что в сравнении с ним образ внутреннего эмигранта-интеллигента рисуется как некоторая гипербола: во всяком случае, лишь для единиц революция была "душевной асфиксией" (Гиппиус) и "свинством" (Булгаков), многих увлекало созидание, и они по примеру Маяковского считали революцию "нашей бучей"¹.

Новые догмы (особенно в начальный период распространения) одерживали впечатляющие победы. Другое дело, насколько прочными они оказались в итоге, и была ли у них историческая перспектива. Достаточно вспомнить здесь "воинствующих безбожников". Эпидемия вульгарного атеизма быстро распространилась по стране, выступив в форме государственной религии, направленной на создание "нового человека", на сей раз активного разрушителя прошлого и строителя светлого будущего: выходят книги "Весна безбожника", "Библия безбожника", "Ленинцы в раю"; создаются "безбожные колхозы" и формируются специальные "ударные безбожные бригады"; церковь из оплота мракобесия превращается в очаг культуры (есть данные, что этого весьма настойчиво требовали массы)². В это время даже крематорное движение (крематорий — альтернатива христианскому обряду захоронения в землю) получило статус союзника пролетарского свободомыслия³.

Вынужденные переговоры с прошлым

Довольно скоро ситуация меняется. Общество не могло длительное время сохранять состояние принудительного и хрупкого консенсуса на базе воинствующего революционного аскетизма и преданности делу всемирного пролетариата. Началось встраивание в раннебольшевистские ценности элементов традиционных ориентаций. В итоге в 30-е годы возникла специфическая амальгама из традиционной культуры (перенос некоторых элементов культурной жизни дореволюционных образованных классов, например восстановление в правах ориентации на семью, образование, служебный профессионализм и жизненное благополучие), а также идей и поведенческих образцов, принадлежащих коммунистическому циклу⁴.

¹ Личность и власть в России. С. 43—44.

² Там же. С. 75—80.

³ Об этом см.: Антирелигиозник. 1926. № 10. С. 10.

⁴ *Timasheff N.* The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia. N.Y., 1946. P. 349—371.

Данный процесс более всего затронул структуры повседневности. В числе первых были амальгамированы элементы культуры старого наивного монархизма: в обиход вошли знаменитые термины "отец и учитель", "вождь", "руководитель", "хозяин". Затем последовала мифологизация и прославление Ленина, далее началось внедрение ценностей подчинения власти, норм дисциплины во всем, включая семью, работу. Ввели также старую символику иерархии — погоны, мундиры и пр. Еще один элемент — восстановление в правах державного смысла понятий "родина", "великая Русь", исторических фигур, включая царей и князей (Петр Первый и Александр Невский). Примечателен такой способ гармонизации новых советских ценностей с традиционной ментальностью, как интенсивное повторное обращение к фольклору, былинному творчеству, народным сказителям, акынам. В художественной литературе стали увереннее обозначаться положительные персонажи, которые, в свою очередь, содействовали развитию культуры народа на символическом и аксиологическом уровнях. Затем кампания под лозунгом "Страна должна знать своих героев!"¹

Все это структурировало культуру и делало общество 30-х годов менее монолитным, чем это можно было представить исходя из модели тоталитарного общества, которую до последнего времени и по сей день прикладывают к СССР той поры².

Многие авторы все изменения, имевшиеся в советской действительности 30-х годов, склонны приписывать Сталину, который всегда в подобных случаях выступает воплощением политического и всякого иного могущества. Но кажется, что в рассматриваемом периоде действовал "параллелограмм сил", как утверждает Санкт-Петербургский историк О.Кен. Инициатива провозглашения терпимости к некоторым из старых норм и возврата к элементам образа жизни дореволюционных образованных слоев во многом исходила от некоторых групп советской элиты, искавших пути мягкой замены тоталитарного режима на жесткую, но все же авторитарную модель управления обществом. На это серьезно влияли "обстановка завершения революции, поиски новой легитимации "советской" власти, усталость от марксоидных схем, спрос на популяризацию старого знания, адаптированного к новому поколению, жажда развлечений"³.

Не случайно намерениям этих слоев элиты (речь о достижении социальной стабильности и окончании периода "больших скачков"

¹ Robin R. Stalinism and Popular Culture // The Culture of the Stalin Period / Ed. H.Gunther. L., 1988. P. 26, 36—37.

² Robin R. Op. cit. P. 26.

³ Кен О.М. Между Цезарем и Чингис-Ханом // Наполеон Е.В.Тарле как литературный памятник общественно-политической борьбы 1930-х годов. 1997. Рукопись. Л. 2.

и непрерывных перековок, о росте эффективности аппарата власти) оказалось созвучным первое издание книги академика Е.В.Тарле "Наполеон" (1936), где "зоркая требовательность" героя книги сочеталась с присущей ему "непрерывной тяжелой работой без передышки и праздников", где централизованный по воле героя государственный аппарат добился того, что "отчетность и контроль в каждом ведомстве были организованы так, что каждый казенный грош должен был быть на точном и явственном учете" и "в конечном счете воровства стало гораздо меньше"¹.

Необходимость наведения социального порядка в условиях следовавших одна за другой волн индустриализации привела к тому, что в культуре власть усмотрела ресурс, который накапливается "наверху" (в среде образованных классов) и передается "вниз" для усвоения народными массами, нуждающимися в обогащении и развитии своего культурного опыта. Собственно культурные различия в этот период считались объективно заданными и их предстояло ликвидировать путем просвещения советских людей, повышения их культурности². Для этого и потребовались амальгамированные культурные образцы, рекомендованные ко всеобщему распространению и использованию. Наступил период насаждения государственных эталонов культурного знания и поведения. Этим признавалась необходимость выравнивания культурных различий нового правящего класса и низов.

Культура в амальгамированном варианте оставалась средством, она носила функциональный характер, обслуживая злободневные задачи социалистического строительства и прагматические нужды тогдашнего советского общества, проходившего через определенную стадию своего идейного и политического развития "на закате революционной эры"³.

Советская элита лишь после августа 1991 г. с громадным внутренним сопротивлением отказалась от идеи удерживать массы в руках. Представители же 30-х годов о таком отказе и не помышляли, испытывая пожизненные сомнения, связанные со стоящей перед ними дилеммой — быть или не быть "расширению возможного и сужению запретного". Но все же ее "переговоры" с прошлым основывались на признании стабильности многих культурных традиций предшественников, которые нельзя было преодолеть за каких-нибудь 10 или 20 лет, опираясь на политику "великих переломов".

¹ Тарле Е.В. Наполеон. М., 1992. С. 126—127.

² Волков В.В. Концепция культурности, 1935—1938 годы советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. № 1—2. С. 198—200.

³ Кен О.Н. Указ. соч. Л. 1.

Между двух миров

В послесталинский период к амальгаме общественно одобряемых ценностей были добавлены небольшие дозы либеральных идей, не противоречащих советской концепции мирного сосуществования. Эта концепция не допускала конвергенции различных социально-экономических систем (конверсия ценностей советской цивилизации исключалась, поскольку они а priori обладали историческими преимуществами перед ценностями буржуазного мира и, следовательно, олицетворяли будущее государства и общества). Господство традиционализма (теперь уже российского и советского типов) с трудом, но продолжало сохраняться. Либерализм любыми способами сдерживался, при том, что игнорировать его было абсолютно невозможно. Данный период (его можно было бы назвать — между традиционализмом и либерализмом) начался при Н.С.Хрущеве и закончился в середине 80-х годов. Он обозначил неуклонное назревание определенного "раскола" общества, вызванного необходимостью совершить исторический выбор между политикой внеэкономического принуждения и политикой экономического стимулирования, между авторитаризмом и демократическим устройством жизни. В недрах культуры послесталинского авторитарного общества выстраивалась "нонконформистская" культура, носителями которой были представители диссидентского правозащитного движения, иные участники правового и культурного сопротивления¹.

Умеренное социальное и культурное расслоение, характерное для 50-х годов и периода "оттепели", приобрело совсем иные масштабы в конце 80-х годов.

Снова на развилке дорог

Как результат социокультурная динамика страны была далекой от того, что теоретики называют "социокультурной полнотой", ее отличали напряженности, противоречия, вызванные доминированием социального начала над культурным². Неравноправие названных начал находило свое выражение в регулировании культурного расслоения населения. На этих процессах государство до последнего времени держало свою властную руку, пыталось управлять ими, добываясь (по примеру манипуляций с социальной структурой) культурной однородности общества путем "выравнивания", "подтягивания" и других хорошо известных приемов.

¹ Кондаков И.В Введение в историю русской культуры. М., 1997. С. 426/

² Там же С. 26.

Культурное расслоение существует и сейчас. Однако в отличие от всех предшествующих периодов оно впервые определяется не столько регулирующими воздействиями "сверху", сколько свободой и муками выбора культурных предпочтений "снизу".

Политической, экономической, культурной изоляции от окружающего мира более не существует. Российское общество и государство рассматриваются как органическая часть современного общецивилизационного пространства.

Народ пока еще плохо разбирается в заимствуемых извне формах жизни, что порождает внутреннюю напряженность, отрицательные эмоции. Сомнения основной массы по поводу этих форм объясняются тем, что она действует с малым багажом знаний и культурного опыта. Взяла длительную паузу (тайм-аут) "думающая прослойка", в принципе способная и обязанная оценить варианты и альтернативы развития. Исторической загадкой, научной и практической проблемой являются отношения общественного сознания с ценностями и нормами современной цивилизации, после того как недоверие и подозрительность в отношении этих ценностей и норм начнут устраниваться, а напряженность — падать. Может ли в таком случае сознание поддержать эти заимствования (на сей раз без принудительной индокринации и "воспитательных мер") и примирить с ними социально-культурные доминанты (архетипы) досоветского и советского периодов? Станут ли люди считать эти заимствования своими настолько, что они войдут в каркасы национальных ценностей? Вот ключевые для России (и мира) вопросы. Поиск этих общепризнанных ценностей (на этот раз путем консенсуса) составляет особенность нынешнего периода развития российской культуры.

Культурное расслоение как независимая и зависимая переменные

Сказанное только подчеркнет значение культурного расслоения (культурной дифференциации). Переход к свободной экономике и подлинной демократии требует известной подготовленности общества не только со стороны его базисных структур, но и в значительной мере со стороны культуры.

Интеллектуальные ресурсы населения, хозяйственная этика, мотивация труда, политическая культура, исторические традиции народа будут своеобразными фильтрами, решетками, сквозь которые должны пройти экономические, политические и всякие иные новшества, прежде чем они прорастут на современной российской почве.

Культурные различия полезно рассматривать как вектор, пытаясь установить не только его абсолютное значение, но и направ-

ление действия. Здесь существенную опасность представляет не столько масштаб культурной дистанции, сколько тренд ее изменения (сокращается ли она по мере течения времени, или, напротив, увеличивается). В нашем случае полезно установить, имеет ли место синтез оппозиционных начал (наступает ли долгожданное признание некоторых ценностей общими) или, напротив, синтез отсутствует (оппозиционные ценности поляризуются или приходят в конфликт). Еще одна грань проблемы культурной дифференциации — ее связь со структурными факторами (экономический кризис, резкое падение уровня жизни). Их относительная значимость может оказаться сопоставимой и даже превышающей значимость собственно культурных переменных и приводить к разрыву смысловых полей культуры.

Проблема влияния культуры на перспективы сохранения демократического политического режима в России была поставлена в одном из исследований сектора общественного сознания санкт-петербургского филиала Института социологии РАН в 1995—1997 гг.¹ Анализ позволил "выйти на след" искомого культурного расслоения. Наряду с преобладающими ценностными представлениями (когда "правильное" устройство общества должно соответствовать советской модели) заметное распространение получили ориентации, свидетельствующие о приверженности их носителей идеям "умеренного либерализма" (когда в лучшем случае, признается паритет государственной и частной собственности в ведущих отраслях экономики и в сферах социального обеспечения, образования и здравоохранения). Это расслоение отражает прежде всего различие культурных образцов, на которые склонны ориентироваться представители старших поколений в отличие от младших. Дифференциация позиций в зависимости от положения человека в социально-экономической структуре имеет важное, но все же второстепенное значение по сравнению с межпоколенческими различиями.

Либеральные ценности разделяют преимущественно представители младших поколений, а также образованных слоев и высокостатусных групп (составляя меньшинство взрослого населения). Именно эти люди (причем в той мере, в какой ими принимаются принципы либерализма) составляют социальную базу легитимации демократического режима, сохраняя веру в демократию и потенциал политического влияния. Правда, многие из них не выражают лояльного отношения к властям.

Общий диагноз таков, что пока коллективистские установки и патерналистские ожидания, в которых государству приписывается

¹ Сафронов В.В. Либерализм и демократия: социальные и культурные основания? // Культурные доминанты российского сознания: влияние на общественные преобразования / Под ред. В.В.Сафронова и Б.М.Фирсова. СПб., 1998.

гипертрофированная роль в общественной жизни, еще заметно противостоят либеральным воззрениям, предполагающим существенную переоценку места индивида в экономических и политических процессах. Резко негативное отношение к политике и действиям власти перенесено на демократический режим; растущая депривация стимулировала рост приверженности к принципам устройства советского общества. Опросы или иные исследования, проведенные сейчас, только бы усилили это впечатление.

Вместо заключения

Н.Наумова нашла верное название тому, что имеет место в России: "Рецидивирующая, то есть периодически возвращающаяся модернизация вдогонку с ее тяжелыми социальными последствиями и высокой человеческой ценой один из ключевых элементов суровой истории России"¹. Такой переходный период может переживаться как стихийное бедствие и, соответственно, замедлять радикализацию ценностей, замораживать переориентацию на новые культурные образцы.

В том же направлении будет действовать и традиционная культура, она подчеркнет незыблемость (вечность), устойчивость своего ценностного ядра в тех случаях, когда в результате ошибочных действий реформаторов понизится уровень доверия к осуществляемым в стране преобразованиям.

Согласно Ф.Броделю, изменения привычки мыслить и действовать измеряются столетиями. Это очень длительная временная протяженность (самый нижний слой исторической реальности). Другие структуры экономической и социальной действительности имеют, подобно морским приливам и отливам, циклический характер, требуя для своего описания своих масштабов времени.

Это — речитатив социально-экономической истории (сюда относятся общества и цивилизации). Наконец, в самом поверхностном слое истории события чередуются, как волны в море. Это текущая политическая, дипломатическая, социально-культурная и тому подобная история, сопровождаемая выбросами критических умонастроений, вспышками реакций общественного мнения, изменчивыми и переменными по своей частоте и амплитуде пульсациями массового сознания, инспирируемыми (усиливаемыми) деятельностью каналов печати, радио и телевидения.

Не происходит ли так, что всплески массовых (ситуативных) настроений и реакций населения часть социологов все еще принимает за необратимые изменения (конверсию) общественных представле-

¹ *Наумова Н.Ф.* Рецидивирующая модернизация в России как форма развития цивилизации // Социологический журнал. 1996. № 3—4. С. 16.

ний в направлении их либерализации? Достаточно устойчивое культурное расслоение говорит об определенной поляризации ценностных ориентаций. Число сторонников либерального и советского устройства общества на какое-то время стабилизировалось, а линии, по которым проходит водораздел между ними, стали более четкими. Во всяком случае, только сторонники либерального устройства находятся на марше в сторону современного, динамичного, плюралистического общества. Их оппоненты воздерживаются от движения в ту же сторону, и, сверх того, они передислоцировались — отошли на заранее подготовленные позиции в тылу, отказавшись на некоторое время от изнуряющей борьбы за становление рыночной экономики и демократии.